

Я родом из СССР. Родилась в 1982 году в одном из крупных городов Сибири. Ребёнком я росла тихим, застенчивым, но весьма любознательным. В возрасте шести лет родители записали меня в престижную школу нашего города. К тому моменту я уже знала арифметику, умела бегло читать и, достойно выдержав вступительные испытания, была зачислена в это элитное учебное заведение.

В нашей школе, вероятно, как и в любой другой, педагоги частенько напоминали детям об известном напутствии Владимира Ильича Ленина: «Учиться, учиться и ещё раз учиться!» Этому завету я послушно следовала, ежегодно закрывая учебный курс пятёрками. Ни комсомолкой, ни пионеркой я стать не успела, однако в октябрятах числилась. И, возможно, благодаря сияющей на моей груди пятиконечной звезде с ликом маленького Ленина, я считала себя истинной дочерью нашего великого содружественного государства.

Время это я помню смутно — обрывки детских воспоминаний, и только. Да и, наверное, было оно уже не таким СССРовским, как раньше; во всяком случае, так говорили мои родственники и старшие друзья-комсомольцы. Почему те восьмидесятые годы, когда Союз Советских Социалистических Республик ещё не распался, некоторые его граждане называли «не совсем СССРовскими», я поняла намного позже, изучая историю нашей страны, читая родную литературу и пытаясь найти объяснение, а заодно и оправдание тому, что так глубоко врезалось в мою память и никак не совпадало с той самой картинкой «рая на земле».

Что запомнили мои глаза ребёнка? Что помнят о предпоследнем десятке двадцатого века мои ровесники и люди постарше? Думаю, воспоминания эти разнятся: для кого-то этот период был светлым, для кого-то мрачным. К тому же я давно поняла: будь то Российская империя, Союз

Советских Социалистических Республик или Российская Федерация — люди делились, делятся и будут делиться на богатых и бедных, власть имеющих и бесправных, почитаемых и униженных... Среди православных обязательно отыщется тот, кто за понравившиеся серебряные часики «перекрестится и, проговорив про себя с горькою молитвой: „Господи, прости ради Христа!“ — зарежет приятеля...» (Ф. М. Достоевский, «Идиот»), найдётся такой же и среди представителей марксизма-ленинизма, объявится и капиталист, который в погоне за золотым тельцом превратится в душегуба.

Люди всегда одинаковые: чья бы рука ни довлела над ними, чем бы их души ни питались, чем бы их мысли ни наполнились — среди них будут и следующие высоким моральным принципам, и, наоборот, потерявшие свой человеческий облик. И, конечно же, в ту или иную эпоху общество будет делиться на тех, кто славит её, и тех, кто бранит. Каких из них по итогу больше — это ли мера для оценки государственности? Разве ж есть существенная разница в этих оценках, если всё равно на каждый век приходится достаточное количество нищих и обездоленных? Они терпят смиренно, терпят, но терпение это рано или поздно выливается в бунт, мятеж, восстание, революцию... как ни назови, а итог один: прежде алчущие и страждущие расправляются с сытыми и правящими, отнимая у них скатерть-самобранку и титул. Так и меняются местами одни с другими. Закономерность и бесконечность. Каждый раз голодные и бесправные, дерзнув поднять руку на отъевшихся и повелевающих, одерживают над ними победу и, до конца не отмывшись от этой кровавой бойни, занимают завидное местечко тех, с кем только что расправились.

Когда свергнут новоявленных властелинов — предугадать невозможно. Но чем меньше червонцев они будут жертвовать отныне нуждающимся, чем больше хлестать их кнутом, тем скорее приблизят тот страшный и болезненный момент нового переворота. Слово-то какое точное — «переворот»: переворачивают, будто монету с орла на

решку и потом обратно. Закономерное постоянство. Свойственная истории цикличность. Для меня было важно принять это, примириться со всей нашей протяжённой, временами противоречивой российской историей, с её таким разным прошлым и тревожным настоящим. Примириться с громкими отголосками, плачущим эхом минувшего времени, со своей памятью.

Значимым и памятным моментом из моего детства стало крещение, которое я приняла в возрасте пяти лет. Событие это состоялось в небольшой деревянной церквушке. Со мной крестились моя мама и несколько незнакомых мне мужчин и женщин. Откуда столько взрослых? Я не понимала. Мне казалось, что крестины — церковный обряд для новорождённых. Конечно же, меня в то время трудно было назвать младенцем, но тем не менее я относилась к категории «дети». Почему же несколько взрослых человек, включая мою маму, пришли принять это святое таинство — узнала только по дороге домой. Что означает произносимое батюшкой над некоторыми людьми: «Аще не крещен, крещается», — и вовсе поняла только много лет спустя. Впрочем, и мамину фразу: «Запрещали верить в Бога и креститься», — я осмыслила намного позже.

Прабабушка моя (по линии матери) была весьма набожной и без молитвы никогда не приступала к приёму пищи, не отходила ко сну. Всё это я помню достаточно хорошо. Прожила она почти целый век, долгожительница. Но несколько последних лет из своей жизни ходить она уже не могла и передвигалась только на костылях, да и то с огромным трудом и нашей помощью, ноги у неё были неизлечимо больны, глаза — слепы. Поэтому прабабушка держала при себе небольшой узелок, который выручал её, когда она оставалась дома одна. В узелке было всё самое необходимое, в том числе и маленькая картонная Казанская икона Божией Матери, которую я, кстати сказать, берегу до сих пор. Отец мой тоже из семьи истинно верующих. Из семьи, в которой и он, и остальные его кровные родственники были крещёными, знали азы православия и старались

придерживаться их. Соответственно, глядя на своих родных, я никак не могла осмыслить короткое упоминание мамы о недавней борьбе с христианством на государственном уровне. Какой была эта борьба?

Физическое истребление представителей духовенства, преследование верующих, уничтожение священных объектов (десятки тысяч храмов и монастырей) — всё это было непременными условиями для создания новой идеологии и образа

высоконравственного советского человека. Жаль, что мне так и не довелось воочию увидеть тот самый человеческий эталон. А существовал ли он на самом деле? Не в мечтах, не в газетах, не в книгах, а в СССР?

Восьмидесятые — я их помню. Запомнила людей, которые меня окружали. Среди соседей встречались и злоупотребляющие алкоголем, и любители крепенько выругаться, и живодёры, и завистники, и те, кто не мог ни дня прожить, не осудив других. Некоторые мужчины колотили своих жён на глазах у детей, в одной многодетной семье старшие из них уже успели отсидеть срок в тюрьме за воровство и выйти на свободу, а младшие (в возрасте восьми-десяти лет) всё ещё читали по слогам. Всё это было тогда, в восьмидесятые годы, в трёх новеньких панельных домиках, расположенных так, что вместе они напоминали букву «П». По мере взросления я спрашивала себя: не много ли антигероев для одного советского дворика? Не много ли для каких-то трёх

**Казанская икона Божией Матери,
которая принадлежала моей
прабабушке**

пятиэтажек столь огромного образцового государства с высоко нравственным населением? И сама же пыталась найти ответы: возможно, мне просто не повезло с двориком, а возможно, всему виной перестройка, время-то было уже «не совсем СССРовским». Пусть так, но люди, все эти люди воспитывались на советской идеологии, и каждый из них являлся советским человеком. Неужели так молниеносно из героев они превратились в антигероев? Или они никогда и не были этими героями? Или идеология оказалась не столь прочна, раз фундамент её довольно быстро пришёл в негодность?

«Возомнили, что больше Бога знают», — говорил об астрономах один из персонажей очерка «На затмении» В. Г. Короленко. Наверное, и все те, насаждающие советскую идеологию, тоже полагали, что больше Бога знают, и поэтому решили полностью отказаться от Него, да ещё принудить к этому массы. Не раз слышала, что «курс-то был взят неплохой», «постулаты для народа были хороши». Хороши! Но, отняв у людей Бога Вездесущего, от которого нельзя сокрыться и соответственно избежать наказания, им взамен подарили земнородную систему. А любая система даёт сбой. Как бы на первый взгляд исправно она ни работала, человек при желании способен найти лазейку. И находил. Можно всё, главное, чтобы никто не видел! — такие выводы я сделала для себя, анализируя и вновь всматриваясь в прошлое и образы тех людей, которые сохранила моя детская память.

То время — каким оно было? Повторюсь: у каждого из нас свои воспоминания. Да, но есть и факты, которым хотелось найти объяснение и главное — оправдание случившемуся ещё задолго до моего рождения, когда множество священных строений было разрушено, а чудом уцелевшие — отданы под Дома культуры и отдыха и прочие государственные учреждения.

«Если бы не было Бога, то следовало бы его выдумать», — упоминали в своих трудах Вольтер и Ф. М. Достоевский, а прежде об этом говорил Марк Туллий Цицерон.

Но что же сделали мы с существующим Богом, которому на Руси поклонялись с 988 года? Что мы сотворили с ним в первой половине двадцатого века?

«Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса. Но они кричали: распни, распни Его!» (Лк. 23:21—22).

В 1920-х годах состоялось второе распятие, но уже в России и по воле народного вождя. Это он без права помиловать дал команду: «Распните!» Преданные слуги его, которые совсем недавно звались верными сынами православной земли своей, бросились, будто цепные псы, и принялись рвать на куски того, к кому буквально вчера взывали в своих молитвах: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных». Чем же это было, если не очередным распятием? Храм — тело Христово. Осквернили, разрушили. За «тридцать сребреников» или ради «серебряных часиков»? За что?

«Отче! прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23:34).

«Аще не крещен, крещается!» — слышу я как сейчас. Повторно распяли. Дважды крестились. Отчизна моя.

Я родом из СССР. Люблю ли я его? Люблю. И даже за многое простила своим православным сердцем.